
П. Г. БОГАТЫРЕВ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КАРПАТ

В этнографии народов Европы особое место занимают исследования этнической истории, культуры и быта населения Карпат. Они охватывают широкий круг проблем, представляющих большой научный интерес. Многие из этих проблем в условиях современного развития европейских народов получили и немалое практическое значение. К ним относятся, например, проблема использования народных традиций в современном отгонном скотоводстве, проблема комплексности хозяйства в горах (сочетание скотоводства с земледелием и определение ведущей роли одной из этих отраслей в разных районах Карпат) и др.

Интересны в историческом аспекте и актуальны для настоящего времени исследования Карпат как определенной хозяйственно-культурной зоны, характеризующейся общими чертами при известных локальных особенностях ее отдельных областей. Актуальна и проблема современных этнических процессов в этой зоне (например, консолидации этнографических групп народов, населяющих Карпаты), изучение которых неотделимо от исследования проблемы формирования населения Карпат в далеком прошлом из разных этнических компонентов. Необходимо подробно осветить вопросы «валашской колонизации» Карпат и румынского влияния, которое до сих пор прослеживается в культуре карпатского населения. Перед исследователями стоит также проблема взаимосвязей культуры населения Карпат и Балкан, т. е. вопрос о так называемом «паннонском единстве», существовавшем до прихода венгров.

Кроме того, изучение Карпат имеет целью решение некоторых теоретических вопросов, касающихся народной культуры вообще и культуры славянских народов в частности, вопросов миграции различных этнографических явлений и времени их возникновения. Возможность решения этих проблем на карпатских материалах определяется тем, что здесь в своеобразных физико-географических, социально-экономических и политических условиях жизни населения сохранились некоторые архаические черты хозяйства и культуры, свойственные разным народам и этническим группам, принимавшим участие в заселении этой области Центральной Европы.

Исследование столь разнообразных тематически и широких по хронологическому охвату проблем требует совместных усилий ученых разных дисциплин. Начало международному сотрудничеству положило, как известно, создание Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат. В 1959—1963 гг. комиссия провела несколько засе-

даний в Польше и Чехословакии (в Кракове, Братиславе, Варшаве, в Старых Смоковцах). Издается печатный орган Международной комиссии — «Carpatica».

На организационном заседании комиссии в Кракове (25—26 февраля 1959 г.) был представлен общий план ее работы и намечен ряд актуальных задач по исследованию Карпат. Представитель Польши М. Гладыш предложил включить в план работы комиссии на ближайшие годы составление библиографии этнографических исследований по народной культуре Карпат; подготовку обзора этих исследований; описание музейных коллекций и архивных материалов; составление указателя материалов, содержащихся в опубликованных исторических источниках; разработку истории изучения Карпат в отдельных странах.

М. Гладыш подчеркнул, что при синхронном исследовании отдельных районов особенно важно учитывать сходство в их экономике и географических условиях, демографии и социальной структуре населения. В связи с этим была выдвинута на ближайшее время задача регионализации Карпат на основе историко-административных, физико-географических, экономических и языковых границ. Было признано необходимым изучить сельскохозяйственную технику, разные формы землепользования и районы их распространения, институт большой семьи в Словакии и родовые связи в Подгалье, типы летних поселений и жилищ, народное ремесло, традиционное искусство (фольклор, музыку, украшения), народные верования и магию.

На организационном заседании комиссии была подчеркнута необходимость комплексности исследований, совместной работы этнографов с антропологами, археологами, экономистами, географами, историками, фольклористами, лингвистами, социологами и специалистами других отраслей знания.

Со времени организации Международной комиссии сделано уже многое. В Словакии, например, издана библиография трудов по изучению материальной и духовной культуры населения словацких Карпат, подготовленная известным словацким фольклористом Р. Жатко¹. Хотя эта библиография состоит из 1556 названий, она все же неполна, так как содержит только избранные работы по материальной и духовной культуре, истории, языкознанию (в том числе диалектологии), археологии и антропологии. Ценным является также издание первой части библиографии польских Карпат (1141 название), вышедшей под редакцией М. Гладыша².

Касаясь библиографической работы, которая ведется сейчас по карпатской проблематике, нельзя не упомянуть и о ранних библиографических изданиях. К ним относится библиография географии Подкарпатской Руси (ныне Закарпатской области УССР) географа и этнографа Иржи Краля, доведенная им до 1926 г.³

Как уже говорилось, план работы комиссии по Карпатам предусматривает описание и публикацию музейных и архивных материалов. В связи с этим необходимо обратить внимание исследователей на бо-

¹ R. Ž a t k o, Vyberová bibliografia ľudovej kultúry karpatskej na Slovensku (Ausgewählte Bibliographie der Volkskultur im slowakischen Karpatenraum), «Bigliografická príloha Zpráv», № 5, SCN a SNS, 1962.

² «Bibliografia historii kultury ludowej Karpat», pod redakcją M. Gładysza, ч. 1 — «Materialy do bibliografii polskiej», «Prace działu etnografii Instytutu Historii Kultury Materialnej PAN», Warszawa, 1960.

³ J. K r á l, Geografická bibliografie Podkarpatské Rusi, Travaux géographiques tchèques édités par M. le prof. Dr. V. Svambera, «Travaux Institut géographique de l'université Charles à Prague», 1923, № 11; e r o ж e, Geografická bibliographie Podkarpatské Rusi za rok 1923—1926, «Travaux géographiques tchèques», 1928, № 13.

гательший рукописный фонд Ф. Ржегоржа по материальной и духовной культуре украинцев, в частности по культуре населения украинских Карпат, хранящийся в архиве библиотеки чешского Национального музея в Праге. Сам Ржегорж опубликовал только незначительную часть собранного им материала. Некоторые сведения корреспондентов Ржегоржа приведены в моих работах⁴. Надо полагать, что в самое ближайшее время рукописный материал Ф. Ржегоржа будет издан.

Следует отметить монографические описания горных пастушеских поселений в нынешней Закарпатской области УССР, опубликованные в 1920-х гг. географом И. Кралем⁵. В последние годы на страницах этнографических журналов и сборников⁶, а также в виде отдельных публикаций появились интересные работы по карпатской проблематике. Многие из них посвящены скотоводству и быту пастухов в Карпатах. Объясняется это тем, что именно проблеме пастушества придают сейчас особенно большое значение в исследовании культуры и этногенеза населения карпатских областей. Большинство работ по пастушеству написаны польскими и словацкими учеными и опубликованы в периодических изданиях «Etnografia Polska»⁷ и «Slovenský národopis»⁸. Так, в V томе «Etnografia Polska» (1961 г.) напечатана статья польского этнографа Б. Копчиньской-Яворской «Пастушеские странствования по силезским Бескидам»; в VI томе (1962 г.) М. Гладыш сообщает, что во время экспедиционных работ в 1961 г. в Карпатах собраны материалы по быту пастухов, причем особое внимание было обращено на те традиционные явления, которые играют положительную роль в формировании новой культуры. В том же VI томе напечатана и статья словацкого этнографа Я. Штики «Шалашничество в Моравской Валахии в освещении литературных источников до середины XIX в.». Здесь же помещена интересная статья М. Бернацкой о полевых исследованиях в Бещадах, в которых участвовали сотрудники Института истории материальной культуры Польской Академии наук и студенты Варшавского университета. В статье показано своеобразное сочетание традиционных и современных форм пастушества в Бещадах. Автор говорит о сезонном пастушестве: подгальянские гуралы привозят скот по железной дороге в Бещады и здесь ведут пастушеское хозяйство по обычаям своих родных мест.

В журнале «Slovenský národopis» за 1960—1961 гг. также опубликован ряд статей о пастушестве. Это работы Я. Подолака «Традиционные способы зимовки скота на Горегронье» (1960, № 2), «Пастбищное и луговое хозяйство в верхнем Погронье» (1961, № 4) и Я. Штики «Шалашничество в Поважской и Кисуцкой областях» (1960, № 2), «Изучение карпатского шалашничества в валашской колонизации на Мораве» (1961, № 4).

⁴ P. Bogatyrev, Actes magiques rites et croyances en Russie Subcarpathique, «Travaux publiés par l'Institut d'études slaves», XI, Paris, 1929; его же, «Полазник» у южных славян, мадяров, словаков, поляков и украинцев. Опыт сравнительного изучения славянских обрядов, «Lud słowiański», т. III, 1931.

⁵ См. J. Král, Černá hora v Podkarpatské Rusi, «Spisy, vydávané přírodovědeckou fakultou Karlovy university», Praha, 1923, № 2; его же, Polonina Rivna v Podkarpatské Rusi, там же, 1925, № 48; его же, Svidovec v Podkarpatské Rusi, «Věstník královské české společnosti Nauk», секц. II, 1927.

⁶ См. «Etnografia Polska», тт. II, IV, V, VI, 1959—1962; «Slovenský národopis», Bratislava, 1960—1961.

⁷ См. О. Ганцкая, Польский этнографический журнал «Etnografia Polska», тт. II—VI, Wrocław, 1959—1961, «Сов. этнография», 1963, № 4.

⁸ См. Н. Грацианская, Журнал словацких этнографов («Slovenský národopis», 1960—1961 гг.), «Сов. этнография», 1962, № 5.

Ценны и работы о скотоводстве и пастушеской жизни у неславянских народов Европы, опубликованные в V томе «Etnografia Polska»: Я. Петеры о кочевании в Албании пастухов-аромунов и Б. Урбанской о быте кочевавшей на Балканах пастушеской группы каракачанов. В том же томе помещен обзор истории изучения скотоводческого хозяйства, пастушеской культуры и быта румын румынского этнографа И. Влэдуциу. В VI томе «Etnografia Polska» в статье немецкого ученого В. Якобейта описаны формы овцеводства в Центральной Европе, в том числе отгонное овцеводство, особенно типичное для средиземноморских стран. Автор приводит ценные сведения о быте, экономическом и общественном положении пастухов в Центральной Европе до начала XX в.⁹

В № 4 журнала «Slovenský národopis» за 1961 г. опубликованы статьи румынского ученого Н. Дунаре «Трепанация овечьих черепов как народная лечебная практика в карпатском пастушестве», И. Варжека «Шалаша — кгапу» с иллюстрациями (эта работа посвящена временным жилищам пастухов на горных пастбищах), обзор А. Габовштиака «Об изучении пастушеской терминологии». Все эти работы дают возможность установить сходные и отличительные черты в пастушеском быту разных этнических групп населения Карпат и других областей Европы.

Как уже было отмечено, одним из важнейших в изучении культуры населения Карпат является вопрос о румынском влиянии в Карпатах, о численности румынских поселенцев в словацких, украинских, польских и моравских Карпатах. За последнее время появился ряд исследований (К. Добровольского, И. Мацурека, П. Олтяну и др.), посвященных этой проблематике.

В 1961 г. на французском языке вышла работа Дм. Кранджалова о румынском влиянии в северных и восточных Карпатах, особенно в районе, называемом «Моравской Валахией»¹⁰; на русском языке была опубликована его статья «О современном состоянии изучения румынского влияния в Карпатах»¹¹. В этих статьях автор полемизирует с названными выше исследователями о степени румынского влияния на Карпатах. Надо надеяться, что дальнейшая дискуссия по данной проблеме осветит важный вопрос о культуре населения Карпат и явится стимулом для дальнейших исторических и этнографических исследований. Для решения этих спорных вопросов, несомненно, многое дадут также лингвистические работы, в частности — по ономастике и топонимике. Интересны, например, исследования польских лингвистов, посвященные вопросу о румынском влиянии в Карпатах. Среди актуальных проблем, стоящих перед исследователями, была уже названа проблема взаимосвязи культуры населения Карпат и Балкан. Так, этнографы не раз отмечали сходство одежды горцев, населяющих Балканы, с одеждой карпатских горцев. Со своей стороны, лингвисты указывают

⁹ W. Jacobeit, Schafhaltung und Schäfer in Zentraleuropa bis zum Beginn des XX Jahrhunderts, Berlin, 1961; см. также: его же, Die Böhmisches Schäferzucht von 1709 und ihre Bedeutung, Сб. «Etnographica», III, IV, Brno, 1962.

¹⁰ D. Kráňjalov, Le problème des influences roumaines dans les Carpates du Nord et de l'Ouest, surtout dans la région dite Valachie Morave (en Tchécoslovaquie), «Acta Universitatis Palackianae Olomucensis», Historica II, 1961.

¹¹ Дм. Кранджалов, О современном состоянии изучения румынского влияния на Карпатах, Сб. «Etnographica», III, IV. Отметим, также, что Дм. Кранджалов еще в 1938 г. опубликовал большую монографию: D. Kráňjalov, Rumunské vlivy v Karpattech, se zvláštním zřetelem k moravskému Valašsku, «Knižovna sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatске Rusi při Slovanském ústavu v Praze», 1938, № 10.

на сходные черты в языках южных славян и славян западных и восточных на Карпатах.

Проблема паннонского культурного единства ставилась в свое время мною в упомянутой выше работе «„Полазник“ у южных славян, мадяров, словаков, поляков и украинцев». В этой статье многое основано на исследованиях словацкого историка В. Халоупецкого и лингвиста З. Штибера. В частности, лингвистические изыскания З. Штибера помогли построить гипотезу о распространении обряда «полазник». Ареал нынешнего бытования обряда позволяет наметить пути его распространения. С Балкан этот обряд перешел на север, в прежнюю Паннонию, которая в XI и до XIII в. была населена главным образом словенцами и в меньшей степени — словаками (в северной части). Поскольку в то время славянские языки были очень близки между собой, легко допустить, что словенцы передавали свои обряды словакам и что некоторые обряды бытовали у обоих этих народов. По р. Рабу обряд мог распространиться вдоль Дуная, а отсюда — на другой его берег.

В областях бытования обряда «полазник» в Словакии распространены и южнославянские диалектные особенности. Чем объяснить столь широкое распространение этого обряда в горах, в частности в селах, гри которых имеются хутора («лаз»), в Словакии и у приломнических горалов? Предположение, будто этот обряд связан с румынскими влияниями, отпадает, так как у румын обряд «полазник» не отмечен. Не попал ли в Словакию и в Польшу это обряд через южнославянских пастухов? Решить этот вопрос поможет изучение географического распространения отдельных пастушеских предметов и их названий на Карпатах у южных славян. Что касается времени проникновения обряда «полазник» с Балкан в центральную Словакию, то, по нашему мнению, это произошло до прихода мадяр в Паннонию.

В вопросе о времени и путях распространения обряда «полазник» нам помогли мадярские материалы, которые указывают на то, что у мадяр этот обряд встречается только в Паннонии и при этом в славянской огласовке «rolázolos», «ralazolni». Пути проникновения обряда «полазник» от южных славян к западным, по нашему предположению, шли через Паннонию. Возможно, что древние связи западнославянских групп с южнославянскими относятся еще ко времени существования Великоморавского государства (границы которого пока не определены).

На связь карпатской культуры с культурой Балкан, как нам кажется, указывают и сохранившиеся до недавнего времени игрища, исполняемые ночью при покойнике перед похоронами. Об этих игрищах мною собран материал в 1920—1930-е годы в Закарпатье. В меньшей сохранности они зафиксированы в Хорватии и Румынии¹². Похоронные игры были отмечены также экспедицией в Закарпатскую Украину, организованной Институтом этнографии АН СССР и Академией наук УССР в 1945—1946 гг.¹³

Таким образом, старинные обряды, сохранившиеся в украинских Карпатах и прилегающих к ним районах, вместе с лингвистическими данными свидетельствуют о связи карпатской культуры с культурой Балкан. Для решения ряда важных вопросов о взаимосвязи Балкан и

¹² P. Bogatyrev, Les jeux dans les rites funèbres en Russie Subcarpathique, «Le Monde Slave», III, 1926, № 11; см. также: З. Кузеля, Посиживіє і забави при мерци українським похорнім обряді, «Зап. наукового товариства ім. Шевченка», Львів, СХХІ—1914, СХХІІ—1915.

¹³ В. Ю. Крупянская, Экспедиция в Закарпатскую Украину (предварительный отчет), «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», III, 1947, стр. 14; е е же, Фольклорный отряд Закарпатской комплексной экспедиции, там же, IV, 1948, стр. 17.

Карпат много ценного дает статья К. Добровольского, опубликованная в 1960 г.¹⁴

Для этнографов и фольклористов, занимающихся изучением Карпат, очень важны исследования лингвистов-диалектологов, например книга по диалектологии Закарпатья И. Панкевича¹⁵ и вышедшие в свет тома диалектологического атласа И. Дзендзелевского¹⁶. Лингвистические особенности Карпат, Малых Карпат и прилегающих к ним долин являются ценным подспорьем при определении специфических этнографических и фольклорных черт отдельных районов Закарпатской области.

Одной из ближайших задач при изучении Закарпатской области СССР является составление этнографической карты народной одежды, построек, убранства «хижи» и обрядов, наряду с составлением карт, освещающих отдельные проблемы лингвистической географии. Различные лексические обозначения сходных деталей костюма, отдельных частей дома в разных районах обычно совпадают и с различием в формах именуемых предметов или в материалах, из которых эти сходные предметы изготавливаются.

Мне уже приходилось отмечать (на I съезде славянских географов и этнографов в 1924 г.), что в Закарпатской Украине границы фонетических различий совпадают с лексической границей¹⁷. Так, диалект, где историческое *o* в новом закрытом слоге дало *y* (*вул, кунь*) — назовем его условно «*y*-диалект», — отличается своим лексическим составом от диалекта, где историческое *o* дало *i* (*вил, кинь*). Из распросов крестьян выяснилось, что девушки из области с *y*-диалектом старались не выходить в 1920—1930-е гг. замуж в область с *i*-диалектом, так как последняя считалась более отсталой, и, наоборот, девушки из области с *i*-диалектом, выходя замуж в область с *y*-диалектом, принимали новый диалект и национальный костюм. Полученные мною сведения о том, что одна область самими крестьянами считается более отсталой, а другая более передовой, подтверждаются наблюдениями других исследователей. Так, словацкий лингвист Я. Оравец¹⁸ отмечает, что диалект словацкого села Розбеги приспосабливается более всего к трнавскому диалекту, который уже со времен Трнавского университета считается самым красивым.

До недавнего времени Карпаты были своеобразной лабораторией с множеством реликтов в области как материальной, так и духовной культуры. Изучение этих реликтов позволяет решать вопросы о закономерностях становления и развития культуры различных народов. В Карпатах мы можем и сейчас еще найти древние орудия домашнего хозяйства. Так, например, венгерский ученый Б. Гунда нашел там древние жернова¹⁹; он сравнивал их с подобными жерновами других районов. Аналогичные жернова встречались и мной в Верховине украинских Карпат.

¹⁴ K. Dobrowolski, The Pastoral culture of the carpathians and the balkans as a subject for international scientific co-operation, «Carpathica», 1, 1, 1960.

¹⁵ I. Панькевич, Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей, Прага, 1938.

¹⁶ И. О. Дзендзелівський, Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика), I—II, Ужгород, 1958—1960.

¹⁷ П. Богатырев, Этнографические поездки в Подкарпатскую Русь. Опыт статистического исследования, «Sborník I. Sjezdu Slovanských geografů a etnografů v Praze 1924», Praha, 1926.

¹⁸ J. Oravec, Reč ľudových piesní a nářečová norma, «Jazykovedné štúdie», т. II—Dialektológia, Bratislava, 1957.

¹⁹ B. Gunda, Alttertümliche Mahlsteine in den Karpaten, «Acta Ethnographica», 1961, № 1, 2.

Большое значение имеет исследование музыкального фольклора в Карпатах. На его богатство и роль в решении ряда проблем музыкального фольклора славян и соседних с ними народов неоднократно указывали музыковеды. Словацкий музыковед О. Элшек²⁰ подчеркивает большое значение карпатской народной музыки в развитии словацкой культуры и, в частности, народной музыки. Изучение музыкальной культуры должно вестись, по его мнению, одновременно с исследованиями в области этнографии, антропологии, истории, лингвистики. О. Элшек отмечает, что изучение карпатской народной музыки относится к числу интереснейших тем европейского этномузыковедения. В Карпатах был создан особый тип народных напевов, подобных тем, которые бытуют в Альпах, на Балканах, в Западной и Восточной Европе и в областях Средиземноморья.

Изучение карпатского фольклора помогает решить ряд вопросов, не связанных непосредственно с Карпатами. Тот факт, что там сохраняются старинные элементы народной поэзии, уже исчезнувшие или сильно изменившиеся в других местах, позволяет уяснить вопрос о древней форме фольклорных произведений в других странах Европы. В настоящее время стало актуальным изучение карпатской баллады. Венгерский ученый Л. Вардьаш высказывает предположение о том, что в основе многих мадьярских баллад лежат французские баллады, занесенные в Венгрию французскими поселенцами. Французские баллады, воспринятые венграми, впитали элементы древнего мадьярского эпоса и затем распространились в другие страны Европы²¹. Изучение еще сохранившихся в Карпатах баллад подтвердит или поправит гипотезу Л. Вардьаша.

В 1929 г. крупнейший украинский музыковед и фольклорист Ф. Колесса опубликовал значительное число лемковских баллад²².

Советский фольклорист П. В. Линтур собрал в Закарпатской области УССР большое число баллад. В своем докладе на V Международном съезде славистов²³ он сообщил, что из 400 записанных им народных баллад около 150 представляют неповторяющиеся сюжеты, остальные — варианты. Идейно-художественный анализ текстов показывает, что подавляющее большинство их (около 260) следует отнести к группе старинных сюжетов, меньшую часть (около 150) — к группе новых сюжетов. Первые больше распространены в северных и восточных районах области, прилегающих к материнским землям Украины, новые же сюжеты чаще встречаются в западных и южных районах, прилегающих к словацким и венгеро-румынским этнографическим границам.

Песенный фольклор Карпат позволяет установить разные формы заимствования одним народом у другого. В некоторых случаях имеет место прямое заимствование песни без творческой переработки, когда произведение даже не переводилось. Мною, например, записан от украинцев в Закарпатье текст народной драмы «Бетлем» на словацком языке.

²⁰ O. Elschek, Ulohy a ciele výskumu karpatskej ľudovej hudobnej kultury, «Slovenský národopis», 1961, № 4.

²¹ L. Vargyas, Kutatások a népballada középkori történetében IV. Műfaji és történeti tanulmányok, «Az Ethnographia», 1962, № 2.

²² Ф. Колесса, Народні пісні з Галицької Лемківщини, «Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія наукового товариства ім. Шевченка», т. XXXIX—XL, Львов, 1929; его же, Карпатські цикли народних пісень (спільних українцям, словакам, чехам и полякам), Сб. «Práce I sjezdu slovaňských filologů v Praze», 1929, вып. 2, 1931.

²³ П. В. Линтур, Народные баллады Закарпатья и их западнославянские связи, «V Международный съезд славистов. АН УССР. Украинский комитет славистов», Киев, 1963.

Точно так же исполняют иногда песню соседа на его языке. Нечто подобное наблюдается и в области изобразительного искусства. Так, картины на стекле, изображающие прием нового разбойника в дружину Яношика, висевшие в домах польских крестьян, были выполнены словацкими мастерами или же сделаны по образцам словацких картин²⁴.

Иногда заимствованная песня переводится, но содержание ее почти не меняется и появляется как бы вариант песни. Многие польские песни о Яношике можно считать вариантами словацких²⁵. С другой стороны нередко заимствованное у соседа фольклорное произведение творчески перерабатывается согласно эстетическим нормам данного народа.

В Карпатах можно наблюдать сотворчество народов-соседей в создании произведений материальной и духовной культуры. Часто при таком сотворчестве трудно установить, какой именно народ был изначальным создателем того или другого произведения. Что касается словесного искусства, то сотворчеству (например, в создании текстов песен) помогает языковая близость. Следует также обратить внимание на создание среди карпатских народов анекдотов²⁶, основанных на омонимах или на близких к омонимам словах, т. е. на словах почти одинаково звучащих, но с разными значениями у разных народов.

На культуру украинских и словацких Карпат значительное влияние оказали немцы, венгры, евреи, цыгане. При записи фольклора, а также при разговоре с крестьянами мною было отмечено у стариков сильное немецкое влияние в языке, а у пожилых крестьян — мадьярское влияние. Объясняется это отчасти тем, что старики проходили в молодости военную службу на немецком языке, а более молодое поколение — на венгерском. В 1920—1930-е годы в языке молодежи заметно было чешское влияние.

Интересные материалы дает изучение взаимовлияний и взаимоотношений между украинцами и словаками, с одной стороны, и евреями и цыганами, с другой. В верховинском селе Прислип старик еврей рассказал мне в 1930-х годах много украинских сказок. Он считался там одним из лучших сказочников. Жившая в другом селе семья кузнеца-цыгана была хранительницей украинских верований и обрядов. Цыгане оказали большое влияние на карпатскую инструментальную музыку.

В 1920—1930-е годы я стремился синхронно выявить определенные закономерности в явлениях культуры Закарпатской Украины. Эти мои наблюдения можно, мне кажется, использовать при изучении современных фактов и явлений культуры Закарпатской Украины, польских Карпат и восточной Словакии.

Определенным вкладом в изучение карпатской проблематики являются материалы, собранные в 1945—1946 гг. участниками комплексной экспедиции АН СССР²⁷ и АН УССР²⁸ в Закарпатскую Украину. Эти материалы частью совпадают с теми, которые были собраны мною в

²⁴ См. P. G. Bogatyrev, *Der slowakische Volksheld Jánošik in Volksdichtung und bildender Volkskunst. Zur Frage des vergleichenden Studiums von Volksdichtung und bildender Volkskunst*, «Zwischen Kunstgeschichte und Volkskunde. Festschrift, für W. Fraenger», Berlin, 1960, стр. 13.

²⁵ П. Г. Богатырев, *Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни. Збойницький цикл*, М., 1963.

²⁶ J. Rohel, *Realismus hornického humoru*, «Slezský sborník. Acta Silesica», 2—3, Opava, 1948—1950, стр. 355.

²⁷ Отчеты об экспедиции см.: В. Ю. Крупянская, *Экспедиция в Закарпатскую Украину (предварительный отчет)*; ее же, *Фольклорный отряд Закарпатской экспедиции*.

²⁸ Отчет об экспедиции см.: И. Ф. Симоненко, *Этнографический отряд Закарпатской комплексной экспедиции*, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», IV, 1948.

1920—1930-е гг., частью отмечают новые явления, которые в 1940-е годы переживала Карпатская Украина.

Экспедиция работала в селах Малой Верховины, в этнографическом и фольклорном отношении значительно отличавшихся от долинных. Материальная и духовная культура жителей сел Малой Верховины была более архаичной, в частности у них полнее сохранялись женский национальный костюм, вышивка, орнаментированная резная утварь и др. Много устойчивее оказались обряды и национальная песенная традиция. Что касается долинных сел, то их сильнее коснулось городское влияние, особенно в области материальной культуры; жизнь этих сел представляла своеобразную смесь элементов архаики (особенно в области обрядов, обычаев) и современных явлений.

Участники экспедиции собрали значительный материал по народному календарю: обрядовые песни, колядки (записано 145 текстов) и большое количество девичьих гаданий. Большой интерес представляют записанные в Закарпатской Украине поверья, заклинания, заговоры. Собранный материал, несомненно, представит данные как для установления местных областных типов свадебного обряда, так и для суждения о его эволюции (в частности, о проникновении в него современности). Сделаны записи обрядов, связанных с рождением, крестинами и похоронами.

Экспедициями собран большой песенный материал: записано 860 текстов, из них 260 песен и 600 «коломыек» и «спиванок». Песенные репертуары Малой Верховины и долины весьма различны. В репертуаре молодежи значительное место занимали украинские народные и советские массовые песни. В плане старой традиционной песни создавались и новые, главным образом о войне. Помимо словесных текстов, записывались и мелодии (180 песен, 28 коломыек). Экспедициями обнаружена в изучаемом районе богатейшая сказочная традиция. Значительная работа проделана экспедициями и по изучению материальной культуры. Описаны жилища, одежда, домашняя утварь, сельскохозяйственный инвентарь, народная вышивка и резьба по дереву. Работа экспедиций в значительной мере была рекогносцировочной, требующей дальнейшего расширения и углубления.

На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук специальный симпозиум обсудит первоочередные проблемы в исследовании этнической истории культуры и быта населения Карпат, наметит важнейшие вопросы, с тем чтобы все этнографы и специалисты родственных дисциплин смогли в дальнейшем дружно приняться за их разработку. Успешное решение важных и интересных проблем, связанных с культурой Карпат, может быть достигнуто только в результате совместных усилий ученых различных дисциплин: этнографов, антропологов, археологов, историков, фольклористов, лингвистов, музыковедов и др.

SUMMARY

Much attention has in the past few years been devoted to the study of the material and spiritual culture of the Carpathian region. An important role in it is played by the setting up of an international commission for the study of folk culture of the Carpathians: there appeared new works on the culture of the Carpathians and bibliographies of works on Slovak and Polish Carpathians.

Many of the problems of the culture of the Carpathians have at present a practical significance (for instance, the utilization of popular traditions in cattle grazing today). Of practical importance is also the exploration of the Carpathians as a definite cultural and economic zone.

Research in the contemporary culture of the Carpathian population is inseparable from the study of its history.

Much interest evoked the discussion of the «Walachian coloniazation» and Rumanian influence in different areas of the Carpathians.

An interesting problem is also the one of interrelations between the Carpathians and the Balkans.

The research and material collected by specialists in different fields will help to explore the relationships in ancient times between the Balkan Slavs and the Slavs inhabiting the Carpathians.

Much attention is attracted by the problem of the study of sheep-breeding and the life of shepherds in the Carpathians.

One of the immediate tasks in the study of the Carpathians and the adjacent areas is the making of maps of linguistic geography and maps showing the distribution here of different phenomena of material and spiritual culture. A comparison of the distribution of linguistic phenomena will throw light on a whole number of problems of the ethnography of the Carpathians.

The Carpathians have been, and in some respects still are, a laboratory of both material and spiritual culture, making possible to solve problems concerning the laws governing the origin and development of cultural phenomena in the history of the population not only of the Carpathians, but also of other countries.

Of much theoretical interest is also the study of the Carpathian folk music.

The study of the folklore of the Carpathians helps to solve a number of problems concerning the folklore of other countries. The Carpathian folklore (tales, songs, etc.) enables to establish different forms of borrowings by one people from another and also to answer the question of co-authorship of neighbouring peoples in the creation of productions of material and spiritual culture.

A successful exploration of the culture of the Carpathians can be achieved only through its joint study by ethnographers, folklore students, historians, archaeologists, linguists and musicologists. It is necessary to single out problems that are of the greatest interest today, so as to work out a single program for students of the culture of the Czechish (Moravian), Slovak, Polish and Ukrainian Carpathians.